

Copyright © 2025 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 359-370
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.359

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Far Eastern Vector of the Grand Strategy of the General Staff of the Russian Army in the late 19th and Early 20th centuries and the Failures of the Russian Empire in the First World War

Gregory Popov ^{a, *}, Stanislav Davydov ^a, Andrew Kukareka ^a, Elena Babaeva ^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian technological University, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to a poorly studied subject of an influence of resource allocation in the Russian Empire on its military potential before the First World War on an example of the Russian Far East. Authors consider three aspects: the distribution of artillery, railway equipment and the financing of defense programs. In addition, the authors turn to the military-political factors that influenced the decisions on military modernization of the Far East and a choice of methods and ways to implement this. Authors prove that Military Ministry was not confident in Japan's readiness to follow the 1905 Portsmouth Peace Treaty, this provoked the Russian Empire to build up ground forces in the Far East and Transbaikalia, as well as to modernize the Vladivostok fortress. Authors also note that the Russian high military command considered an alliance between Japan and China against Russia as possible. Authors provide statistical data on the construction of railways in the Far East in the early XX century and an equipping of the Chinese military railway with steam locomotives and wagons, they prove that this road took a lot of resources from the railways of the European part of Russia at the beginning of the First World War. Russia has also made many budget investments in railway construction in the Far East, which financially exceeded the cost of programs to modernize the Armed Forces of the Russian Empire. Authors conclude that the military modernization of the Far East had a negative impact on Russia's preparations for the First World War.

Keywords: military modernization of Russia, Amur Military District, Irkutsk Military District, Ministry of War of the Russian Empire, Russo-Japanese War, World War I.

1. Введение

В настоящей работе рассматривается на примере дальневосточной политики официального Санкт-Петербурга связь между распределением ресурсов в пространстве Российской империи с подготовкой последней к Первой мировой войне. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной проработанностью указанной выше проблемы в исторической науке, а также потребностью в дальнейшем исследовании темы "Сибирского проклятья" (Безруков, 2011; Замятин, 2005) в контексте изучения долгосрочного развития России. Данная тема носит в значительной степени геоэкономический характер, и одним из авторов настоящей статьи было проведено подобное исследование, но в рамках изучения экономических проблем Советской России в период Гражданской войны (Попов, Раздина, 2024).

Суть концепции "Сибирского проклятья" сводится к тому, что освоение и дальнейшая модернизация регионов, находящихся в географических зонах со сложными климатическими и ландшафтными условиями, оттягивала значительные ресурсы России от ее европейских регионов, включая находившиеся там центры экономического роста (Замятин, 2005).

* Corresponding author

E-mail addresses: GGPopov2009@mail.ru (G. Popov)

Ответ на вопрос, почему исход Первой мировой войны для России оказался таким, каким мы его знаем, до сих пор не нашел однозначного ответа в историографии, и это придает нашему исследованию также актуальность. Геоэкономические проблемы поздней Российской империи и их связь с военными событиями начала XX в. недостаточно рассмотрены в исторической науке. В историографии продолжает доминировать еще советский подход к определению причин неудач Вооруженных сил (ВС) Российской империи в годы Первой мировой войны (современники ее называли еще Великой войной), который сводится, в целом, к тому, что Россия имела недостаточно развитую для вооруженной борьбы с кайзеровской Германией и ее союзниками экономическую базу (Сидоров, 1973). Последнее время относительно стал политологический подход к оценке причин военно-экономического кризиса Российской империи в годы Первой мировой войны (Поткина, 2022). Однако, повторимся, геоэкономический фактор, в частности, оттягивание ресурсов перед Великой войной на решение вопросов оборонного значения в восточных регионах России, включая в первую очередь Дальний Восток и тяготеющее к нему в хозяйственном смысле Забайкалье, находится за пределами анализа проблемы причин неудач ВС Российской империи в Великой войне. Но изучение именно вопроса распределения перед Великой войной и в ее начале ресурсов между регионами Российской империи дает нам отчасти возможность понять, почему Россия, входившая в начале XX в. в разряд ведущих государств мира, пережила военную катастрофу в 1917 — начале 1918 гг., сопровождавшуюся двумя революциями и перешедшую в национальную трагедию Гражданской войны.

2. Материалы и методы

Для решения поставленных в работе задач мы обращаемся к материалам разных видов и происхождения. В первую очередь, нас интересуют документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация): фонд 846 — военный архив, в котором можно найти много сведений о развитии большой стратегии Российской империи; Ф. 400 — Главный штаб; Ф. 447 — коллекция документов Военного министерства Российской империи по Китаю; Ф. 2000 — главное управление Генерального штаба. Данный архив находится в Москве, являясь главным местом хранения источников по истории Русской императорской армии.

Вторым по значению для нашего исследования является Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), находящийся в Москве и являющийся одним из центральных архивов Российской Федерации, в его рамках мы обратились к фондам: Фонд 543 "Коллекция рукописей Царскосельского дворца", здесь нас более всего интересует переписка и доклады высших чиновников по стратегическим вопросам, включая развитие Дальнего Востока; Фонд 601 посвящен деятельности последнего императора России Николая II, этот фонд, помимо многого другого, также содержит документы, затрагивающие обсуждения вопросов, связанных с развитием Дальнего Востока, а также письма и доклады императору высших чиновников по данному предмету.

Среди других источников особое значение для нас имеют сборники документов, опубликованные в поздней Российской империи. Среди них хотим особо отметить Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1912 г., в котором относительно полно представлены структура оборонных расходов Российской империи, а также их характеристики.

Особую важность для нашего историко-экономического анализа имеет составленный в 1923 г. обзор состояния и развития Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) в рамках посвященного этой железной дороге статистического ежегодника, где достаточно полно показана структура подвижного состава в этой части Дальнего Востока в начале Первой мировой войны. Эта информация потребовалась нам для определения (примерно) масштабов отвлечения железнодорожной техники на Дальний Восток от европейской части России в начале Великой войны.

Важное значение для нашего исследования имеет работа крупного теоретика развития ВС России М.И. Венюкова (Венюков, 1873), который много внимания уделял в конце XIX в. дальневосточному вектору большой стратегии.

Важные статистические данные мы получили из документа "Расписание сухопутных войск в 1914 году", опубликованного в С-Петербурге в 1916 г., а также из вышедшего в 1916 г. под редакцией Управления железных дорог труда "Краткий очерк деятельности русских железных дорог". Оба эти источника являются ведомственными опубликованными документами.

Настоящая работа основана на историко-проблемном и системном методах. Мы отслеживаем в хронологическом порядке такую проблему, как изменение военного потенциала российского Дальнего Востока на примере в основном Приамурского военного округа на фоне развития большой стратегии России и отношения ряда авторов этой стратегии к значению дальневосточных рубежей в системе обороны Российской империи, используя историко-проблемный метод. И здесь мы акцентируем внимание на вопросах распределения артиллерии и железнодорожной техники, так как именно недостатки по данным направлениям привели Русскую армию к неудачам на фронтах Первой мировой войны (правда, мы не стали бы утверждать, что начало Великой войны было для России абсолютно неудачным). Системный метод дал нам в ходе исследования возможность рассмотреть

процессы, связанные с усилением обороны Дальнего Востока России, в контексте всей стратегии развития Вооруженных сил Российской империи в интересующий нас период.

3. Обсуждение

Тема влияния затрат Российской империи на свои дальневосточные территории как фактор, повлиявший на общую готовность ее вооруженных сил к Первой мировой войне, почти не изучена в историографии. В отдельных статьях затрагивается эта проблема, но в ракурсе освещения отдельных сюжетов, связанных с модернизацией вооруженных сил России после Русско-японской войны (1904–1905). Например, известный военный историк Р. С. Авилов (Авилов, 2016а) рассмотрел вопрос конфликта интересов министра финансов В. Н. Коковцева и военного министра В. А. Сухомлинова по вопросу развития обороны Дальнего Востока после поездки первого в этот регион в 1909 г. Р. С. Авилов сконцентрировал внимание на конфликте двух министров, и из этого повествования непонятно, насколько расходы правительства на оборону Дальнего Востока позитивно или негативно отразились на модернизации Вооруженных сил Российской империи в целом. В другой своей работе Р. С. Авилов концентрирует внимание на Владивостокской крепости (Авилов, 2016б), которая была далеко не единственным объектом оборонных расходов на Дальнем Востоке, и, например, затраты бюджета на КВЖД были заметно больше. Им был более широко показан межведомственный конфликт, но данный конфликт протекал на фоне трансформации большой стратегии Российской империи, которая в общих чертах была сформулирована еще в период Великих реформ.

Столь же узкий подход, как и у Р. С. Авилова, к анализу развития обороны Дальнего Востока в начале XX в. предлагается в научной статье М. В. Зайцева (Зайцев, 2017), который концентрирует также внимание на противоречиях Военного министерства и Министерства финансов, но при этом проблема японо-китайской угрозы или только японской угрозы перед Первой мировой войной им не затрагивается как фактор решений официального С-Петербурга по поводу развития системы обороны Дальнего Востока. В работе Д. Г. Янченко и Е. О. Старовойтовой (Янченко, Старовойтова, 2018) это также не отражено, их статья посвящена финансированию строительства КВЖД и связанных с этим решений центральной власти, но при этом из выводов авторов непонятно, было ли строительство КВЖД крупной стратегической ошибкой или верным решением, позитивно повлиявшим на военную модернизацию Российской империи в канун Великой войны.

М. В. Ходяков рассматривает проблему российской стратегии на Дальнем Востоке в формате своей статьи про КВЖД (Ходяков, 2018), но при этом он доказывает, что экономическая составляющая этой стратегии была доминирующей в начале XX в. Здесь с ним нельзя согласиться, так как русская колонизация и связанные с нею экономические мероприятия рассматривались официальным С-Петербургом в качестве инструментов для решения чисто военных задач в регионе.

4. Результаты

Формирование и основные направления Дальневосточной стратегии

В 1885 году Россия установила границу с исламскими государствами по линии Каспий – Герат, к этому времени нашел временное урегулирование вопрос с границей с Китаем. Между 1885 и 1910 гг. произошли качественные изменения в российской внешней и военной политиках: включение в состав империи Средней Азии потребовало укрепления военных позиций государства в этом регионе, а также развития отношений с Афганистаном на фоне ужесточения угрозы вмешательства Великобритании во внутренние дела России в данном регионе и на Кавказе. На востоке Средней Азии Россия предприняла пересмотр отношений с Китаем из-за Кашгара и Урумчи, на Дальнем Востоке, по настоянию Генерального штаба, происходит экспансия в Маньчжурии с целью сокращения границы, это в итоге создает напряженность отношений как с самим Китаем, так и с Японией, с последней Россия вступает в войну в 1904 г.

Одним из итогов Русско-японской войны стал пересмотр Правительством Российской империи всей геополитической стратегии в пользу усиления военных позиций в Восточной Азии, в связи с чем создаются новые военные соединения в центральных и восточных губерниях и развиваются военно-морские силы империи на Дальнем Востоке. Поворотным моментом в этом процессе можно считать изложенный в 1910 г. Куропаткиным план, где отражены задачи России на Востоке.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. спровоцировала формирование антигерманской генеральской "партии" во главе с Н. Н. Обручевым, которая главенствовала на специальном совете по поводу перехода к призывной армии в 1873 г., на этом совете были расставлены приоритеты в пользу укрепления обороны западных губерний, особенно польских. Практически до конца 1905 г. эти приоритеты оставались незыблемыми в российской военной политике, отражаясь, разумеется, и на внешней политике. Однако Русско-японская война привела к их пересмотру. Таким образом, существует череда событий-вех в истории развития военной стратегии России, что непосредственно оказывало влияние как на распределение военных расходов, так и на военную модернизацию. В 1873 г. было решено перестроить русскую армию так, чтобы она могла вести войну против Германии и Австро-Венгрии одновременно, имея с ними паритет в силах. Это решение было

продиктовано дисбалансом в распределении сил в Европе, вызванном Франко-Прусской войной (Fuller, 1992: 297-298).

Гипотеза об угрозе со стороны Германии и Австро-Венгрии для России подтвердилась полученными по каналам разведки сведениями о том, что оба первых государства заключили альянс в 1879 г. исключительно против России. Но при этом дополнения к договору о военном альянсе между Германией и Австро-Венгрией остались для российской стороны неизвестными, но именно в них говорилось, что этот альянс носил исключительно оборонительный характер (Fuller, 1992: 198).

В 1885 г. Н.Н. Обручев (на то время начальник Генерального штаба) изложил основные принципы стратегии Российской империи в трактате, посвященном исторической миссии России. Идеи этого генерала и стратега стали руководящими в российской военной политике почти до Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Айрапетов, 1998: 246-252). В рамках концепции Н. Н. Обручева территории империи от Кавказа до Тихого океана представляли собой дополнения к недостаточно развитому европейскому ядру, и эти восточные территории были больше центрами затрат, с военно-экономической точки зрения, нежели доходов государства. В этой связи Н. Н. Обручев рекомендовал Александру III укрепить позиции России в Европе, под чем понималась не только оборонительная политика, но и наступательная: Босфор (проливы) и Карпатская Русь (населенные преимущественно украинцами и русинами австро-венгерские провинции) должны были быть силой присоединены, по Н.Н. Обручеву, к России (Золотарев, 1998: 252-254). Польский вопрос обозначен Н.Н. Обручевым как один из центральных. В этой связи указаны им и основные потенциальные военные противники России: Австро-Венгрия, Османская империя и Германия, последняя должна была защищать Двуетидную монархию.

Идеи Н.Н. Обручева появились среди российской военной элиты не в середине 1880-х гг., но гораздо ранее. Н.Н. Обручев их более ясно сформулировал. После 1880 г. российский индекс развертывания был привязан к цели: не дать Германии и Австро-Венгрии превзойти Россию по численности войск на случай войны, которую в С-Петербурге видели как оборонительную против Германии и наступательную по отношению к империи Габсбургов. Наступательные действия в Азии рассматривались с тех пор как метод улучшения оборонительной позиции в Европе, но в связи с угрозой не от Германии, а от Великобритании, особенно это ясно проявилось во время внешнеполитического кризиса 1885 г.

Несмотря на то, что Н.Н. Обручев считал Германию потенциально главным противником России, представленный им императору Александру III в апреле 1885 г. подробный план "О мобилизации войск на случай войны с Англией" (Алпеев, 2020) (император его подписал) все-таки был продиктован сформировавшимися у российской военной элиты еще во время Крымской войны представлениями о внешней политике империи. Эти представления повлияли на концепцию Н.Н. Обручева о создании дополнительных резервов в европейских губерниях для усиления обороны Кавказа против Персии и Турции как вероятных союзников Великобритании. На Дальнем Востоке также предполагалось развертывание дополнительных сил. Главной зоной военного столкновения с войсками Великобритании должна была стать российско-афганская граница, это приведет к усилению российских соединений в Туркестане и Закаспийском крае, в последнем будет построена специальная военная железная дорога.

Китай и Япония долгое время не рассматривались в качестве серьезных противников России. Главным апологетом идеи потенциально возможной войны с Китаем был сибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский, начавший свою карьеру на Кавказе.

В результате дипломатических договоров 1858 и 1864 гг. Китай уступил России права на территории общей площадью 665 000 кв. км. Это создало сразу же определенные сложности с обеспечением обороны такой огромной территории. В Уссурийском крае опорой России стали казачьи поселения, которые, как выяснилось в ходе столкновений русских колонистов с хунхузами в 1860-е гг., не представляли серьезной силы в случае нападения на дальневосточные владения России китайских регулярных войск. Главная сложность заключалась в снабжении казачьих поселений продовольствием, так как российский Дальний Восток обладает неблагоприятным для ведения сельского хозяйства климатом. По сути, отработанный за много лет на Кавказе метод укрепления позиций России за счет казаков не дал ожидавшихся результатов на Дальнем Востоке. Необходимыми оказались модернизационные решения.

Как отмечал М.И. Венюков – крупный военный теоретик второй половины XIX в. – русские войска на Дальнем Востоке не обладали в 1860–1870-е гг. ни достаточными силами, ни подготовкой, ни фортификацией для отражения возможной китайской агрессии. Кроме того, армии империи Цин достаточно было перерезать ударом с Малого Хингана коммуникации под Хабаровском, чтобы лишить российскую группировку войск в регионе снабжения. В этой связи М. И. Венюков рекомендовал в 1873 г. создать на р. Амур военную флотилию винтовых судов, а также построить вдоль этой реки депо снабжения, центральным из которых должно было стать укрепленное депо в г. Хабаровске (Венюков, 1873: 137-139).

М.И. Венюков получил поддержку в правящих кругах, но в то же время многие военные высшие чины не разделяли его взглядов на реальность китайской военной угрозы для русских

поселений в Амурском крае и даже для Владивостока. Однако кризис в долине Или (1871–1881 гг.), которая находилась в Северо-Восточном Туркестане, в котором активную роль сыграл генерал Кауфман, более убеждал официальный С-Петербург в росте вероятности большого военного столкновения с Китаем.

В 1884 г. Россия создала Приамурский военный округ, которым управлял генерал-губернатор Корф. Здесь снова видна модель освоения новых территорий по кавказскому сценарию, когда власть в крае передавалась на долгое время военным и приоритеты отдавались укреплению обороны. Между 1892 и 1903 гг., во многом усилиями генерал-губернатора, была создана группировка войск в составе 89 батальонов, 35 эскадронов и 25 батарей (Hauner, 1990: 82). Однако, в понимании Корфа и высшей власти в С-Петербурге, главным противником России в Забайкалье и на Дальнем Востоке оставался Китай. В 1885 г. российские военные власти построили современную, по меркам того времени, крепость Владивосток, имея в виду вероятность английского десанта, в силу наступившего тогда внешнеполитического кризиса. Но фортификация на Дальнем Востоке продолжилась и после 1885 г.

Кризис в долине Или, вызванный стремлением и России, и Китая усилить свои позиции в восточной части Туркестана, показал, что для России война в Восточной Азии обещает быть сложной из-за логистики. 20 октября 1880 г. глава Азиатского отдела Генерального штаба Л. Н. Соболев в рамках своего доклада по поводу вероятной войны с Китаем за восточные районы Туркестана пришел к выводу, что победа дастся России с очень большими потерями без шансов на то, что Пекин пойдет на мирные переговоры и сделает территориальные уступки своих западных владений. При этом Л.Н. Соболев признал, что прямой удар по направлению Пекина с моря, как это сделали в ходе последней Опиумной войны англичане и французы, для России будет слишком дорогостоящим (РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 21. Л. 1-44). Однако у Л.Н. Соболева появился оппонент в лице знаменитого исследователя Азии Н. М. Пржевальского, последний настаивал на отторжении от Китая части Монголии с целью создания там плацдарма для возможного удара вглубь империи Цинь (Пржевальский, 1883).

Концепция Н.М. Пржевальского не встретила большого понимания у официального С-Петербурга, но возврат к идее отторжения от Китая Внешней Монголии произойдет незадолго до Первой мировой войны. Сам Восточный Туркестан интересовал официальный С-Петербург с точки зрения возможного проникновения туда английского влияния. Во время кризиса в Или, правда, появились мнения, что Китай вовсе не несет никакой угрозы для среднеазиатских владений России. Кроме того, Японо-китайская война 1894–1895 гг. окончательно убедила многих российских военных в неспособности Империи Цинь вести современную войну.

Боксерское восстание в Китае заставило Генеральный штаб пересмотреть свою стратегию, Россия в 1900 г. оказалась не готова к проведению военных акций в северных провинциях Китая (Редигер, 1999: 316). Это признание сложной ситуации русских войск в Восточной Сибири возникло незадолго до начала Русско-японской войны.

Японская угроза не привлекала долгое время внимание Генерального штаба (Schimmelpenninck, 1996: 25). Тревогу подняло Морское министерство после 1895 г. в связи с обширной японской программой военно-морского строительства. Тройственная интервенция 1895 г. также заставила Генеральный штаб пересмотреть свое отношение к Японии.

Первые наброски плана мобилизации на случай войны с Японией, сделанные в 1895 г. офицерами Генерального штаба, включали в себя в основном мероприятия по развертыванию и доукомплектованию резервистами войск непосредственно на Дальнем Востоке и в Забайкалье, а также переброску войск из европейских губерний. Кроме того, настоятельно рекомендовалось усилить укрепления Владивостока (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1820. Л. 15-31). Стратегические соображения носили исключительно оборонительный характер. Однако при этом Китай продолжал оставаться существенным объектом внимания Генерального штаба в связи с активным перевооружением армии Империи Цинь (РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 11).

В С-Петербурге после Первой Японо-китайской войны (1894–1895 гг.) некоторые чины предложили радикальное решение улучшения военных позиций России на Дальнем Востоке — оккупация Северной Маньчжурии. Это должно было сократить протяженность российской границы в регионе с 3185 до 1600 верст. Н. Н. Обручев, признав верность такого решения, указал при этом на вероятность большой войны с Японией, в связи с чем он предостерег от подобных политических шагов относительно маньчжурского вопроса (РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 69. Л. 11). Однако в правящих кругах взяла верх точка зрения министра финансов С. Ю. Витте, который после 1895 г. настаивал на скорейшей аннексии территорий в Маньчжурии. С. Ю. Витте был поддержан военным министром Г. М. Ванновским.

Н.Н. Обручев был убежден, что России сложно наращивать достаточные силы для борьбы с Японией перед лицом угроз в Европе, имелась в виду, в первую очередь, Германия. Однако оппозиция Н.Н. Обручеву имела аргументы от российской разведки, которая докладывала после 1898 г., что между Китаем и Японией быстро развивается военно-техническое сотрудничество (Peter, 1999: 41). Наравне с усилением присутствия японской агентуры в Маньчжурии это стало сигналом для Генерального штаба сосредоточить внимание на Дальнем Востоке.

Реакция Военного министерства и Правительства Российской империи на усугубление внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке оказалась запоздалой. В канун Русско-японской войны были выделены на строительство укреплений и модернизацию старых крепостей в регионе 130 млн руб., из которых военные успели потратить к моменту атаки Японии на Порт-Артур только 9 млн (Глушков, Шаравин, 2000: 55).

Российская разведка также опоздала. Только накануне атаки на Порт-Артур (26 января 1904 г. по старому стилю) Генеральным штабом, на основе агентурных сведений, был составлен доклад, в котором указывалось, что японский флот намерен нанести главный удар именно по Порт-Артуру для получения господства на море, далее говорилось о подготовке вторжения в Маньчжурию (Алексеев, 1998: 165). Однако меры принимать уже было поздно.

Плохая подготовка России к войне с Японией вытекала в основном из плана Генерального штаба от 1903 г., согласно которому русской армии предписывалось в случае начала этой войны сконцентрировать силы в южной части Маньчжурии для нанесения контрудара по противнику на континенте с переходом затем к десантной операции непосредственно против Японского архипелага.

К середине 1910 г. Военное министерство определенно вернулось к сценарию вероятной войны между Россией и японо-китайской коалицией. В. А. Сухомлинов начал, исходя из этого сценария, создавать новые планы мобилизации к востоку от Урала (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1054. Л. 15-23). Всего было запланировано сформировать три забайкальские армии. Только одна третья забайкальская армия должна была иметь в своем составе: 136 батальонов, 68 эскадронов, 540 орудий и 29 рот инженеров (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1054. Л. 46).

Планы В. А. Сухомлинова отчасти явились продолжением идей Военного совета в 1905-1906 гг. Но эти идеи до 1910 г. воплощались в основном в форме проектов по улучшению инфраструктуры на Дальнем Востоке. В частности, была построена Амурская железная дорога. Реализация этого проекта во многом стала возможной благодаря П. А. Столыпину, который добился от Государственной Думы крупных ассигнований на строительство Амурской магистрали. В итоге государству этот проект обошелся в 400 млн. руб. при завершении работ в 1916 г. (Wolff, 1999: 158). Военная угроза со стороны Японии и, тем более, Китая оказалась преувеличенной. Но при этом Россия затратила огромные средства на развитие своих военных сил и привязанной к ним инфраструктуры к 1914 г. Посмотрим в подразделе ниже, какие ресурсы Российской империи были отвлечены от будущего Европейского театра военных действий Первой мировой войны для укрепления Дальнего Востока.

Затраты ресурсов

Неудачи России первого полугодия Великой войны были вызваны в основном нехваткой личного состава на наиболее важных направлениях удара, а также артиллерийских орудий. Были также патронный и снарядный голод, что во многом явилось следствием недостаточно хорошо отлаженной работы железных дорог в европейских губерниях в сочетании с элементарной нехваткой подвижного состава. К октябрю 1914 г. большая часть войск из губерний к востоку от Урала была задействована на фронтах Великой войны, на Дальнем Востоке и в Забайкалье оставались в основном охранные части, включая несколько облегченных казачьих полков и дружин ополчения, а также запасные части, где велось обучение новобранцев.

После реформы В. А. Сухомлинова в 1910 г. в Приамурском военном округе были развернуты три сибирских корпуса № 1, 4, 5 вместо двух, которые находились там ранее (№ 1, 2). К 1 января 1912 г. их общая численность достигла 126 271 нижних чина и 3038 офицеров против 100 321 и 3044 годом ранее, соответственно (Авилов, 2018: 179). Отметим значительный прирост (буквально за год) численности нижних чинов. Переброска сибирских корпусов в европейские губернии в условиях войны с Германией и Австро-Венгрией не была очень затратной для России, но такое стремительное наращивание численности войск в отдаленном и плохо освоенном регионе означало рост расходов на оборонную инфраструктуру, которые в условиях Российской империи были немалыми, включая содержание зданий и сооружений. Например, подведение каменных фундаментов с перестилкой полов в зданиях (надо понимать, в казармах) обошлось Военному министерству к концу 1912 г. в сумму 210 324 руб. (Всепопданнейший отчет..., 1916: 86; Всепопданнейший отчет..., 1916: 84). На ремонтные работы разного уровня по всей Российской империи военные инженеры затратили в 1912 г. крупную для того времени сумму — 31 191 255 руб. (Всепопданнейший отчет..., 1916: 86) против почти 4,3 млн. руб. затрат в этом году на строительные работы (Всепопданнейший отчет..., 1916: 86).

С сибирскими корпусами на Дальнем Востоке связан также важный факт: они имели много артиллерийских систем в канун Первой мировой войны, в общей сложности 426 орудий (Галлямова, 2015: 8) (без учета Владивостокской крепости). Это составляло примерно 10 % всего артиллерийского парка русской армии к концу лета 1914 г. Да, осенью 1914 г. почти вся артиллерия Приамурского военного округа была отправлена вместе с сибирскими дивизиями на фронт, но, как говорится, "ложечка хороша к обеду", именно нехватка орудий стала одной из весомых причин поражения русской армии во время наступления в Восточной Пруссии (17 августа — 15 сентября 1914 г. по новому стилю).

Скажем также немного об Иркутском военном округе, который был восстановлен в ответ на поражение в Русско-японской войне и нес вспомогательные функции по отношению к Приамурскому

военному округу. В начале 1909 г. в Иркутском военном округе проходили службу 83 338 чинов (Кузнецов, 2022: 87). 1 мая 1914 г. в этом округе числилось 278 орудий (Расписание сухопутных войск, 1914: 396).

В трех казачьих войсках, которые относились к Дальнему Востоку и Забайкалью, служили 35 921 рядовых казаков, а также 3 402 урядников и унтер-офицеров, помимо, разумеется, офицеров (Всепопданнейший отчёт..., 1916: 142). Казачье войско, в отличие от обычного кавалерийского корпуса, представляло собой отдельное хозяйство со своими промышленными производствами (например, в Забайкальском казачьем войске имелись даже собственные мыловаренные заводы; (Всепопданнейший отчёт..., 1916: 123), обрабатывавшимися земельными угодьями и даже торговыми структурами. Кроме мужчин, проходивших службы, в казачьих станицах проживали, разумеется, их семьи. То есть казачье войско было сложной социально-экономической системой.

После Русско-японской войны, когда Российский императорский флот в сражениях на Дальнем Востоке понес очень большие потери, значительно актуализировался вопрос обороны береговой линии в Приамурском военном округе, а также бассейна р. Амур. Это затрагивало уже частично Иркутский военный округ. Акцент здесь был сделан на развитии малых надводных сил и развертывании подводных лодок. Однако возникли сложности с финансированием. К тому же в правивших кругах Российской империи возникли сомнения на предмет целесообразности таких мероприятий, в частности, соответствующие сомнения высказал в конце 1909 г. министр финансов В. Н. Коковцов в докладе Николаю II по итогам своей поездки на Дальний Восток. В. Н. Коковцов не соглашался с проектом затрат на усиление обороны устья Амура общим объемом 45 млн. руб. (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303. Л. 37). Морское министерство в этой связи сосредоточило внимание на строительстве Амурской военной флотилии как системы подвижной обороны на Дальнем Востоке. К маю 1911 г. на Амуре имелись 18 канонерских лодок и 9 разведочных катеров (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474. Л. 21-22).

Постройка канонерских лодок, даже в таком немалом количестве, как для Амурской военной флотилии, была не столь дорогой для бюджета Российской империи, но каждая из 8 имевшихся там особо мощных канонерских лодок имела 6 орудий (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474. Л. 21), которые можно классифицировать как тяжелые. В начале Первой мировой войны модернизация крепостей береговой обороны в европейской части России еще не была завершена, и там были остро необходимы орудия больших калибров.

В связи с японской угрозой после 1905 г. стала ускоренно развиваться модернизация Владивостокской крепости. По проекту 1910 г. в этой крепости планировалось установить 1290 орудий на сухопутном фронте и 316 орудий – на береговом фронте (Авилов, 2018а: 25). Это было огромное количество артиллерийских систем, по меркам того времени. К 1914 г. и позднее военная промышленность империи не смогла освоить этот проект.

Модернизация Владивостокской крепости (точные расходы на которую не известны до сих пор) развивалась в сочетании с развитием всей оборонительной инфраструктуры Приамурского военного округа (Караман, 2021: 97). В этой связи расходы на Приамурское генерал-губернаторство возросли до 105 млн. руб. в год (в эту сумму вошли издержки на строительство и модернизацию железных дорог в регионе) к началу Первой мировой войны (Караман, 2021: 97). Это сопоставимо примерно с четвертью военного бюджета Российской империи, если принять во внимание чрезвычайные расходы. При этом доходы от Приамурского генерал-губернаторства составляли перед Великой войной 15 млн. руб. в год (Караман, 2021: 97).

Главной сложностью для российской экономики перед и во время Первой мировой войны, связанной с Дальним Востоком, были расходы на: сооружение железной дороги, укреплений и усиление военно-морских сил в регионе. Эти расходы надо сравнивать с тем, что Россия тратила в целом на программы развития своих Вооруженных сил перед Великой войной и в ее начале.

На знаменитую КВЖД Российская империя затратила около 447 млн. руб. к 1 января 1917 г. (Китайская восточная..., 1923: 5), основные расходы были сделаны до Первой мировой войны. Амурская железная дорога обошлась в примерно 400 млн. руб. Эксплуатация КВЖД с учетом региональных особенностей была сравнительно дорогостоящей: около 176 млн. руб. за период с июня 1903 по 1914 г. включительно (Китайская восточная..., 1923: 6). Скажем для сравнения, что бюджет принятой в июле 1913 г. Государственной Думой программы перевооружения и улучшения снабжения артиллерии составил 122,5 млн. руб. (Шацилло, 1991). На развитие Военно-морского флота Россия потратила в период 1910–1914 гг. свыше 700 млн. руб. (Шацилло, 1991). То есть на создание железных дорог в отдаленных восточных регионах с отдаленной экономической перспективой крупного экономического эффекта Россия тратила больше, чем на модернизацию своих Вооруженных сил.

КВЖД отвлекала в Первую мировую войну большое количество паровозов: в 1914 г. в наличии у этой дороги имелось паровозов в количестве 493 шт., в 1915 г. — 491 шт. (Китайская восточная..., 1923: 8). Такое количество паровозов только в рамках КВЖД было очень большим для России. Принимая во внимание, что во втором полугодии 1914 г. для нужд фронта были выделены 725 паровозов (Сенин, 2009: 252), в первые же дни Великой войны стала ощущаться нехватка этой техники в основном в европейской части Российской империи. Поэтому МПС сделало в 1914 г. заказ на дополнительное количество паровозов в количестве 390 шт., в 1915 МПС дало заявки на строительство еще 282 шт.

(Сенин, 2009: 252) (это были сверхплановые заказы, но надо учесть, что из приблизительно 16 тыс. имевшихся паровозов большой процент на внутренних дорогах европейской части страны являлись физически и морально устаревшими). Однако выполнить эти заказы российские заводы своевременно не всегда могли (Сенин, 2009: 252). По другим данным, в распоряжении МПС России имелось на 1 января 1914 г. 19800 паровозов и 485 000 вагонов, при этом количество первых возросло к 1 января 1915 г. до 20 000 шт. (Краткий очерк..., 1916: 8), когда вагонов в то же время — до 510 тыс. шт., из них у КВЖД только вагонов товарных имелось в 1914 г. 7 473 шт., в 1915 г. — 6 450 шт. (Китайская восточная..., 1923: 23).

В начале 1906 г. российским экспертам стало понятно, что все сибирские (туда относились и дальневосточные) железные дороги недостаточно обеспечены паровозами. Это были в основном сильно изношенные машины, отправленные туда из европейских губерний (Борзунов, 1972: 403). К 1910 г. (начиная с 1906 г.) российские заводы поставили в Сибирь и на Дальний Восток 1639 паровозов, в 1910 г. только Коломенский завод построил для железных дорог этих регионов 362 паровоза (Борзунов, 1972: 404), и все это были в основном новейшие на то время и особо мощные модели.

5. Заключение

Нами определено, что существовала системная связь между военной модернизацией Дальнего Востока, большой стратегией и подготовкой России к Первой мировой войне. Все эти процессы проходили в комплексе на фоне развития внешней политики России с начала 1870-х гг.

В 1890-е гг. на Дальнем Востоке появляется новый сильный политический игрок — Япония, и там же возникает малый аналог "большой игры", которую Россия вела в Средней Азии, Иране и Афганистане, соперничая с Англией. Длительное время дальневосточный вектор российской большой военной стратегии был привязан именно к противоборству с Великобританией, в связи с началом противостояния с Японией этот вектор становится более независимым от российско-английских отношений.

Дальний Восток оттягивал большие ресурсы от европейской части Российской империи, при этом экономический эффект от этого был более, чем сомнительным. На подготовку России к Первой мировой войне военная модернизация Дальнего Востока подействовала отрицательно. Иркутский и Приамурский военные округа забирали у российских сил в европейских губерниях около 15 % всей полевой артиллерии, не считая крепости Владивосток. Расходы на строительство железных дорог на Дальнем Востоке превосходили затраты на военно-морские программы и намного опережали бюджет модернизации артиллерийского парка русской армии. Во многом это стало одной из весомых причин неудач России в Первой мировой войне.

Литература

Авилов, 2016a – Авилов Р.С. По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В. Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 405. С. 38-49.

Авилов, 2016b – Авилов Р.С. «Кредитов до сих пор мы не имеем...»: проблемы взаимоотношения военного и финансового ведомств Российской империи (на материалах истории Владивостокской крепости (1909–1911 гг.)) // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России*. 2016. № 3. С. 9-15.

Авилов, 2018a – Авилов Р.С. Владивостокская крепость — форпост Российской империи на Дальнем Востоке (1860–1923 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 1. С. 20-27.

Авилов, 2018b – Авилов Р.С. Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) // *Россия и АТР*. 2018. № 1 (99). С. 173-186.

Алексеев, 1998 – Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. В 2-х томах. Т. 1. М.: Русская разведка, Евразия+, 1998. 432 с.

Айрапетов, 1998 – Айрапетов О.Р. Забытая карьера "русского Мольтке". Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб.: Алетейя, 1998. 314 с.

Айрапетов, 2014 – Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. 413 с.

Алпеев, 2020 – Алпеев О.Е. Планирование русским Генеральным штабом войны с Великобританией в контексте англо-русских отношений (1885–1914 гг.) // *Исторические исследования*. 2020. № 15. С. 153-166.

Безруков, 2011 – Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // *Journal of Institutional Studies*. Т. 3. № 1. 2011. С. 104-116.

Бокарев, 2009 – Бокарев Ю.П. Мобилизационная экономика в России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования / *Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.* / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 9-22.

- Борзунов, 1972** – *Борзунов В.Ф.* История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX – начала XX вв.: дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.00 [Место защиты: Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева]. Томск, 1972. 644 с.
- Венюков, 1873** – *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1873. 584 с.
- Всепопданнейший отчёт..., 1916** – Всепопданнейший отчёт Военного министерства за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1916. 1083 с.
- Галлямова, 2015** – *Галлямова Л.И.* (ред.). Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН. 2015. 292 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Глушков, Шаравин, 2000** – *Глушков В.В., Шаравин А.А.* На карте Генерального штаба – Маньчжурия. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2000. 396 с.
- Зайцев, 2017** – *Зайцев М.В.* "Путешествие из Петербурга во Владивосток": к вопросу о противоречиях в правительстве России по поводу финансирования вооруженных сил накануне Первой мировой войны // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения.* 2017. Т. 17. № 4. С. 445-451.
- Замятин, 2005** – *Замятин Д.Н.* Сибирское проклятье // *Вестник исторической географии.* Вып. 3. 2005. С. 324-332.
- Золотарев, 1998** – *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества (Ист.-правовое исслед.). 2-е изд., испр. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. 461 с.
- Караман, 2021** – *Караман В.Н.* Владивостокская крепость в контексте российской военно-оборонительной политики на Дальнем Востоке (1879–1923 гг.) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2021. № 3 (58). С. 90-101.
- Китайская Восточная..., 1923** – Китайская Восточная железная дорога. Статистический ежегодник. 1923. Составлен экономическим бюро К.В.Ж.Д. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1923. 325 с.
- Краткий очерк..., 1916** – Краткий очерк деятельности русских железных дорог во Вторую Отечественную войну / Упр. железных дорог. Петроград. Ч. 1: Типография Н. И. Евстифьева, 1916.
- Кузнецов, 2022** – *Кузнецов М.Ю.* Иркутский артиллерийский склад в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // *Известия лаборатории древних технологий.* 2022. Т. 18. № 2 (43). С. 86-98.
- Назаренко, 2017** – *Назаренко К.Б.* Ответы на десять вопросов по истории Февральской революции // *Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии.* 2017. Т. 5. С. 60-66.
- Павлов, 2017** – *Павлов А.Ю.* (ред.). Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 532 с.
- Поликарпов, 2015** – *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2015. 381 с.
- Попов, Раздина, 2024** – *Попов Г.Г., Раздина Н.В.* Прозрачность и геоэкономика Советской России // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2024. № 87. С. 66-76.
- Поткина, 2022** – *Поткина И.В.* В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб.: Нестор-История, 2022. 379 с.
- Пржевальский, 1883** – *Пржевальский Н.М.* О возможной войне с Китаем; его же: Разбор приграничных районов: Притяньшанского, Ургинского и Амурского / *Сборник географических, статистических и топографических материалов по Азии.* СПб.: Военно-ученый ком. Главного штаба. 1883. Вып. I. 24 с.
- Расписание сухопутных войск, 1914** – Расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1-му мая 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 435 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Редигер, 1999** – *Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания военного министра: В 2-х томах. Т. 1. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. 574 с.
- Сенин, 2009** – *Сенин А.С.* Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «Расстройстве транспорта» // *Труды по россиеведению.* 2009. № 1. С. 237-269.
- Сидоров, 1973** – *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 656 с.
- Ходяков, 2018** – *Ходяков М.В.* Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // *Петербургский исторический журнал.* 2018. № 3. С. 52-65.
- Шапкин, 2023** – *Шапкин И.Н.* Опыт перестройки российского народного хозяйства и управления в годы Первой мировой войны // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 7-24.
- Шацилло, 1991** – *Шацилло К.Ф.* Последние военные программы Российской империи // *Вопросы истории.* 1991. № 7–8. С. 224-233.

[Янченко, Старовойтова, 2018](#) – Янченко Д.Г., Старовойтова Е.О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 3. С. 583-597.

[Fuller, 1992](#) – Fuller W.C. Strategy and power in Russia, 1600-1914. New York etc.: Free press. 1992. 557 p.

[Hauner, 1990](#) – Hauner M. What is Asia to us?: Russia's Asian heartland yesterday and today. Boston: Unmin Hyman, 1990. 264 p.

[Peter, 1959](#) – Peter S. H. Tang, Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. Durham, NC: Duke University Press. 1959. 494 p.

[Schimmelpenninck, 1996](#) – Schimmelpenninck Van Der Oye D. Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904-05 // *Intelligence and National Security*. 1996. XI. No 1. Pp. 22-31.

[Wolff, 1999](#) – Wolff D. To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria. Stanford: Stanford University press, 1999. 257 p.

References

[Airapetov, 1998](#) – Airapetov, O.R. (1998). Zabytaya kar'era "russkogo Mol'tke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904) [The forgotten career of the “Russian Moltke”. Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904)]. SPb.: Aleteiya, 314 p. [in Russian]

[Airapetov, 2014](#) – Airapetov, O.R. (2014). Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917). 1914 god. Nachalo [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917). 1914. Beginning]. M.: Kuchkovo pole, 413 p. [in Russian]

[Aleksseev, 1998](#) – Aleksseev, M. (1998). Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II [Military intelligence of Russia from Rurik to Nicholas II]. V 2-kh tomakh. T. 1. M.: Russkaya razvedka, Evraziya+, 432 p. [in Russian]

[Alpeev, 2020](#) – Alpeev, O.E. (2020). Planirovanie russkim General'nym shtabom voyny s Velikobritaniie v kontekste anglo-russkikh otnoshenii (1885–1914 gg.) [The Russian General Staff's planning of the war with Great Britain in the context of Anglo-Russian relations (1885–1914)]. *Istoricheskie issledovaniya*. 15: 153-166. [in Russian]

[Avilov, 2016a](#) – Avilov, R.S. (2016). Po Transsibu na Vostok. Vizit ministra finansov V. N. Kokovtsova v Priamurskii voennyi okrug v 1909 g. [On the Trans-Siberian Railway to the East. The visit of Finance Minister V. N. Kokovtsov to the Amur Military District in 1909]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 405: 38-49. [in Russian]

[Avilov, 2016b](#) – Avilov, R.S. (2016). «Kreditov do sikh por my ne imeem...»: problemy vzaimootnosheniya voennogo i finansovogo vedomstv Rossiiskoi imperii (na materialakh istorii Vladivostokskoi kreposti (1909–1911 gg.)) [“We still do not have loans...”: problems of the relationship between the military and financial departments of the Russian Empire (based on the materials of the history of the Vladivostok Fortress (1909-1911))]. *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii*. 3: 9-15. [in Russian]

[Avilov, 2018a](#) – Avilov, R.S. (2018). Vladivostokskaya krepost' – forpost Rossiiskoi imperii na Dal'nem Vostoke (1860–1923 gg.) [The Vladivostok fortress– an outpost of the Russian Empire in the Far East (1860-1923)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 1: 20-27. [in Russian]

[Avilov, 2018b](#) – Avilov, R.S. (2018). Priamurskii voennyi okrug: voенно-administrativnye preobrazovaniya nakanune Pervoi mirovoi voyny (1906–1914 gg.) [The Amur military district: military and administrative transformations on the eve of the First World War (1906–1914)]. *Rossiia i ATR*. 1(99): 173-186. [in Russian]

[Bezrukov, 2011](#) – Bezrukov, L.A. (2011). Sibirskii kholod i ekonomika Rossii [Siberian cold and the Russian economy]. *Journal of Institutional Studies*. 3(1): 104-116. [in Russian]

[Bokarev, 2009](#) – Bokarev, Yu.P. (2009). Mobilizatsionnaya ekonomika v Rossii i Germanii v gody Pervoi mirovoi voyny. Opyt komparativnogo issledovaniya [The mobilization economy in Russia and Germany during the First World War. Comparative research experience]. Mobilizatsionnaya model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Chelyabinsk, 28–29 noyabrya 2009 g. Pod red. G.A. Goncharova, S.A. Bakanova. Chelyabinsk: OOO «Entsiklopediya». Pp. 9-22. [in Russian]

[Borzunov, 1972](#) – Borzunov, V.F. (1972). Istoriya sozdaniya Transsibirskoi zheleznodorozhnoi magistrali XIX – nachala XX vv. [The history of the creation of the Trans-Siberian railway of the XIX – early XX centuries]: diss. ... dokt. istor. nauk: 07.00.00 [Mesto zashchity: Tom. gos. un-t im. V. V. Kuibysheva]. Tomsk, 644 p. [in Russian]

[Fuller, 1992](#) – Fuller, W.C. (1992). Strategy and power in Russia, 1600-1914. New York etc.: Free press. 557 p.

[Gallyamova, 2015](#) – Gallyamova, L.I. (2015). (red.). Vglyadyvayas' v proshloe: Mirovye voyny XX veka v istorii Dal'nego Vostoka Rossii [Looking into the past: The World Wars of the XXth century in the history of the Russian Far East]. Vladivostok: DVO RAN. 292 p. [in Russian]

[GARF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

- Glushkov, Sharavin, 2000** – *Glushkov, V.V., Sharavin, A.A.* (2000). Na karte General'nogo shtaba – Man'chzhuriya [On the map of the General Staff – Manchuria]. M.: In-t polit. i voen. analiza, 396 p. [in Russian]
- Hauner, 1990** – *Hauner, M.* (1990). What is Asia to us?: Russia's Asian heartland yesterday and today. Boston: Unmin Hyman, 264 p.
- Karaman, 2021** – *Karaman, V.N.* (2021). Vladivostokskaya krepost' v kontekste rossiiskoi voenno-oboronitel'noi politiki na Dal'nem Vostoke (1879–1923 gg.) [The Vladivostok fortress in the context of Russian military defense policy in the Far East (1879–1923)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya.* 3(58): 90-101. [in Russian]
- Khodyakov, 2018** – *Khodyakov, M.V.* (2018). Kitaisko-Vostochnaya zheleznaya doroga i plany usileniya russkogo ekonomicheskogo vliyaniya na Dal'nem Vostoke v preddverii Pervoi mirovoi voiny [Chinese Eastern railway and plans to strengthen Russian economic influence in the Far East on the eve of the First World War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal.* 3: 52-65. [in Russian]
- Kitaiskaya Vostochnaya..., 1923** – *Kitaiskaya Vostochnaya zheleznaya doroga.* Statisticheskii ezhegodnik. 1923 [Chinese Eastern Railway. Statistical yearbook. 1923]. Sostavlenn ekonomicheskim byuro K.V.Zh.D. Kharbin: Tipografiya Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi, 1923. 325 p. [in Russian]
- Kratkii ocherk..., 1916** – *Kratkii ocherk deyatelnosti russkikh zheleznykh dorog vo Vtoruyu Otechestvennuyu voinu* [A brief outline of an activities of Russian railways in the Second World War]. Upr. zheleznykh dorog. Petrograd. Ch. 1: Tipografiya N. I. Evstif'eva, 1916. [in Russian]
- Kuznetsov, 2022** – *Kuznetsov, M.Yu.* (2022). Irkutskii artilleriiskii sklad v gody Pervoi mirovoi i Grazhdanskoi voyn (1914–1920 gg.) [Irkutsk artillery depot during the First World War and the Civil War (1914–1920)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii.* T. 18. 2(43): 86-98. [in Russian]
- Nazarenko, 2017** – *Nazarenko, K.B.* (2017). Otvet na desyat' voprosov po istorii Fevral'skoi revolyutsii [The answer to ten questions on the history of the February Revolution]. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii.* 5: 60-66. [in Russian]
- Pavlov, 2017** – *Pavlov, A.Yu.* (2017). (red.). Porokh, zoloto i stal'. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo v gody Pervoi mirovoi voiny [Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War]. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 532 p. [in Russian]
- Peter, 1959** – *Peter, S.* (1959). H. Tang, Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911-1931. Durham, NC: Duke University Press. 494 p.
- Polikarpov, 2015** – *Polikarpov, V.V.* (2015). Russkaya voenno-promyshlennaya politika. 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy Russian military-industrial policy. 1914–1917. State tasks and private interests]. M.: ZAO «Tsentrpoligraf», 381p. [in Russian]
- Popov, Razdina, 2024** – *Popov, G.G., Razdina, N.V.* (2024). Prodravverstka i geoeconomika Sovetskoi Rossii [Prodravverstka and geo-economics of the Soviet Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija.* 87: 66-76. [in Russian]
- Potkina, 2022** – *Potkina, I.V.* (2022). V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh [In the run-up to the disaster. The State and the economy of Russia in 1914–1917]. SPb.: Nestor-Istorija, 379 p. [in Russian]
- Przheval'skii, 1883** – *Przheval'skii, N.M.* (1883). O vozmozhnoi voine s Kitaem; ego zhe: Razbor prigranichnykh raionov: Prityan'shanskogo, Urginskogo i Amurskogo [About a possible war with China; his own: Analysis of the border areas of Prityanshan, Urginsky and Amur]. *Sbornik geograficheskikh, statisticheskikh i topograficheskikh materialov po Azii.* SPb.: Voенно-uchenyi kom. Glavnogo shtaba. Vyp. I. 24 p. [in Russian]
- Raspisanie sukhoputnykh voisk, 1914** – *Raspisanie sukhoputnykh voisk.* Ispravlennoe po svedeniyam k 1-mu maya 1914 g. [Timetable of the Land Forces. Corrected according to information by May 1, 1914]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1914. 435 p. [in Russian]
- Rediger, 1999** – *Rediger, A.F.* (1999). Istorija moei zhizni: Vospominaniya voennogo ministra: V 2-kh tomakh [The story of my life: Memoirs of the Minister of War]. T. 1. M.: KANON-press-Ts, 574 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv [State Military Historical Archive].
- Scbimmelpenninck, 1996** – *Scbimmelpenninck, Van Der Oye D.* (1996). Russian Military Intelligence on the Manchurian Front, 1904-05. *Intelligence and National Security.* 1XI. No 1. Pp. 22-31.
- Senin, 2009** – *Senin, A.S.* (2009). Zheleznodorozhnoe khozyaistvo Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny: k voprosu o «Rasstroistve transporta» [The railway industry of Russia during The First World War: on the issue of “Disruption of transport”]. *Trudy po rossievedeniyu.* 1: 237-269. [in Russian]
- Shapkin, 2023** – *Shapkin, I.N.* (2023). Opyt perestroiki rossiiskogo narodnogo khozyaistva i upravleniya v gody Pervoi mirovoi voiny [The experience of restructuring the Russian national economy and management during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija.* 68(1): 7-24. [in Russian]
- Shatsillo, 1991** – *Shatsillo, K.F.* (1991). Poslednie voенnye programmy Rossiiskoi imperii [The latest military programs of the Russian Empire]. *Voprosy istorii.* 7–8: 224-233. [in Russian]

- Sidorov, 1973** – *Sidorov, A.L.* (1973). Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [The economic situation of Russia during the First World War]. M.: Nauka. 656 p. [in Russian]
- Venyukov, 1873** – *Venyukov, M.I.* (1873). Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii [Experience of military review of the Russian borders in Asia]. SPb.: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 584 p. [in Russian]
- Vsepoddanneishii otchet..., 1916** – Vsepoddanneishii otchet Voennogo ministerstva za 1912 g. [The most comprehensive report of the Ministry of War for 1912]. SPb.: Voennaya tipografiya, 1916. 1083 p. [in Russian]
- Wolff, 1999** – *Wolff, D.* (1999). To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria. Stanford: Stanford University press, 257 p.
- Yanchenko, Starovoitova, 2018** – *Yanchenko, D.G., Starovoitova, E.O.* (2018). Perspektivy ekonomicheskogo razvitiya Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi posle Russko-yaponskoi voyny: regional'nyi aspekt i peterburgskaya politika [Prospects for the economic development of the Chinese Eastern Railway after the Russo-Japanese War: the regional dimension and the St. Petersburg policy. Modern History of Russia]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 8(3): 583-597. [in Russian]
- Zamyatin, 2005** – *Zamyatin, D.N.* (2005). Sibirskoe proklyat'e [The Siberian curse]. *Vestnik istoricheskoy geografii*. 3: 324-332. [in Russian]
- Zaytsev, 2017** – *Zaytsev, M.V.* (2017). "Puteshestvie iz Peterburga vo Vladivostok": k voprosu o protivorechiyah v pravitel'stve Rossii po povodu finansirovaniya vooruzhennykh sil nakanune Pervoy mirovoj vojny ["The Journey from St. Petersburg to Vladivostok": on the Contradictions in the Russian Government Concerning the Army Provisions before the First World War]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 17(4): 445-451. [in Russian]
- Zolotarev, 1998** – *Zolotarev, V.A.* (1998). Voennaya bezopasnost' Otechestva (Ist.-pravovoe issled.) [Military security of the Fatherland (Historical and legal research)]. 2-e izd., ispr. Moscow: KANON-press, Kuchkovo pole. 461 p. [in Russian]

Дальневосточный вектор большой стратегии Главного штаба Русской армии в конце XIX — начале XX вв. и неудачи в Первой мировой войне Российской империи

Григорий Германович Попов ^{a, *}, Станислав Геннадьевич Давыдов ^a, Андрей Николаевич Кукарека ^a, Елена Владимировна Бабаева ^b

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^b Российский технологический университет Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (РТУ МИРЭА), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена мало изученной в науке теме влияния распределения ресурсов в пространстве Российской империи на состояние ее военного потенциала перед Первой мировой войной на примере Дальнего Востока России. Авторы рассматривают три аспекта данной проблемы: распределение артиллерии, железнодорожной техники и финансирования оборонных программ. Помимо этого, авторы обращаются к военно-политическим факторам, повлиявшим на решения высшего руководства на предмет военной модернизации Дальнего Востока и выбора методов и путей ее осуществления. Авторы доказывают, что Военное министерство Российской империи не было уверено в готовности Японии соблюдать Портсмутский мирный договор 1905 г., это толкало высшее руководство Российской империи к наращиванию сухопутных сил на Дальнем Востоке и в Забайкалье, а также к модернизации крепости Владивосток. Авторы также отмечают, что российское высшее военное командование считало вполне вероятным в будущем направленный против России альянс Японии и Китая. Авторы приводят статистические данные по строительству железных дорог на Дальнем Востоке в начале XX в. и оснащению Китайской военной железной дороги паровозами и вагонами. Они доказывают, что эта магистраль забирала у железных дорог европейской части России немало ресурсов в начале Первой мировой войны. Россия также сделала много бюджетных вложений в железнодорожное строительство на Дальнем Востоке, которые по финансовым суммам превосходили расходы на программы по модернизации Вооруженных сил Российской империи. Авторы приходят к выводу, что военная модернизация Дальнего Востока негативно отразилась на подготовке России к Первой мировой войне.

Ключевые слова: военная модернизация России, Приамурский военный округ, Иркутский военный округ, Военное министерство Российской империи, Русско-японская война, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: GGPopov2009@mail.ru (Г.Г. Попов)